

И. Шмерлина

Часть 2

Дружба

как духовная и социальная реальность

Дружить – значит быть рядом

Пространственные отношения – одна из исходных, изначальных (ресурсных) предпосылок социальности. В ходе этологических и социологических наблюдений было установлено, что социальные формы, в которых протекает жизнь человека и животных (причем не только высших), небезразличны к режиму пространственного контакта. Было бы преувеличением трактовать эти данные в духе “архитектурного детерминизма”, однако у специалистов “...не вызывает сомнений наличие связи между организацией пространства и поведением людей, в том числе такими его явно социальными аспектами, как общение, дружеские связи и т. д.” [Равич-Щербо и др. С. 24]. Существует ряд исследований, которые показывают влияние пространственного фактора на установление тесных социальных связей (обзор этих исследований см.: [Голд. С. 263–266]). Они заставляют воздерживаться и от жестких социально-детерминистских интерпретаций.

Социологический взгляд на данную проблему противоречив. С одной стороны, пространство выведено за рамки теоретически релевантных проблем социологии¹; с другой – одна из центральных парадигм социологии – а именно интерпретативная – фактически базируется на идее пространственно близкой коммуникации. Так, несмотря на декларируемое отсутствие интереса к пространственной структуре повседневного общения, П. Бергер и Т. Лукман настаивают на том, что социальное конструирование реальности возникает на микроуровне, в ситуации взаимодействия лицом к лицу. При этом классики социологической теории отмечают, что выход за пределы дистанции непосредственного общения сильно искажает “чувство реальности”: “Для эффективного поддержания субъективной реальности, – пишут Бергер и Лукман, – требуется последовательный и согласованный аппарат общения. Разрывы в последовательности и согласованности

Начало статьи см.: Социальная реальность. 2006. № 5.

¹ “Действие не пространственно, но временно” [Parsons. P. 763]; “Мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры. Пространственная структура здесь нас мало интересует. Достаточно сказать лишь то, что она имеет социальное измерение благодаря тому факту, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей. Гораздо важнее для нашей цели временная структура” [Бергер, Лукман. С. 48–49].

ipso facto представляют угрозу для рассматриваемой субъективной реальности... Имеются... различные техники для предотвращения разрыва последовательности. Примером может служить использование переписки для продолжения значимого общения, прерванного физической удаленностью друг от друга... но порождающий реальность потенциал этих техник много ниже того общения лицом к лицу, которое они должны копировать... Эти техники... будут делаться все более пустыми субъективно, лишенными “живой” реальности, пока не будут “возрождены” социальным контактом с другими...” [Бергер, Лукман. С. 250–252].

По мнению Э. Гидденса, отношения с физически отсутствующим субъектом подразумевают социальные механизмы, отличные от используемых в контекстах присутствия².

Для человека, как и для любого биологического существа, важнейший аспект жизнедеятельности связан с ближайшими контактными взаимодействиями. Специалисты говорят о локальности (коротко-замкнутости в пространстве и во времени) базовых структур человеческого восприятия и поведения. Это имеет не-

Этологическая “примета” дружеских отношений – постоянное совместное пребывание особей

посредственное отношение и к дружбе. Этология рассматривает пространственную близость как один из наиболее важных и наиболее постоянных критериев дружеских отношений. Этологическая “примета” дружеских отношений – постоянное совместное пребывание особей. Так, К. Лоренц, скрупулезно изучавший дружеские группировки гусей, считает, что именно совместное пребывание “является объективным признаком дружбы” [Лоренц. С. 167].

В мире высших животных, и в частности среди шимпанзе, взаимоотношения которых вообще очень сложны и многогранны, исследователи наблюдали своеобразные формы дружбы, при которых “животные практически никогда не занимались взаимным обыскиванием³, не играли друг с другом и нечасто вступали в физический контакт; между тем они редко расходились на расстояние больше девяти метров (подчеркнуто мною. – И.Ш.), а в драках приходили друг другу на помощь” [Гудолл. С.192].

Поведенческий (этологический) критерий дружбы, согласно которому дружить – значит “быть рядом”, при всей своей внешней простоте и поверхностности улавливает некоторые весьма существенные характеристики дружеского союза. Если перевести этот критерий на “человеческий язык”, он означает необходимость регулярного общения между людьми, считающими себя друзьями.

Результаты массового опроса и групповых дискуссий⁴ позволяют сделать вывод не столько о значимости данного критерия для конституирования дружбы, сколько о его эксплицированности в обыденном сознании. Люди предпочитают описывать дружбу в нормативно-ценностных категориях, подчеркивая значение

² [Giddens. P. 36–37]. Подробный анализ теории Э. Гидденса, включая рассматриваемый аспект, см.: [Климов. С. 121–149].

³ Обыскивание, или груминг – это уход одной особи за наружными покровами (шерстью, перьями) другой. Согласно современным этологическим представлениям, этот уход носит не столько гигиенический характер (выискивание паразитов, очищение от грязи), сколько служит поддержанию социальных контактов и формированию умиротворяющей дружественной обстановки.

⁴ Общероссийский опрос населения 11–12 марта 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов); дискуссионные фокус-группы в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге 21 марта 2006 года.

преданности, готовности к самопожертвованию ради друга (40%), доверия (30%), взаимопонимания (15%)⁵.

Между тем от их внимания не ускользают и простые житейские приметы дружбы: 9% респондентов, формулируя свои представления о том, что значит «дружить», говорили о совместном времяпрепровождении.

“Вместе почти всегда отдыхаем и трудимся”; “жить вместе, общаться”; “всело проводим вместе время”; “ходить вместе на рыбалку, выпить, посидеть” (открытый вопрос).

Однако люди, в отличие от животных, могут общаться не только непосредственно, “лицом к лицу”, но и используя символические способы связи. Это заставляет проблематизировать этологический критерий пространственной близости. Что означает для человека “быть рядом”? Обязательно ли телесное со-присутствие – или “быть рядом” возможно не только физически, но и посредством телефона, письма, электронной коммуникации?

Развитие дистальных средств коммуникации привело сегодня к появлению феномена виртуального общества, постепенно деформирующего привычную пространственно-временную картину мира. Это несовпадение естественной, телесно-измеримой и внепространственной дистанции общения порождает одно из экзистенциальных противоречий современной культуры и центральную теоретическую проблему социологии пространства.

Признание значимости пространственного фактора в структурировании социального взаимодействия делает осмысленной постановку вопроса о “виртуальной деформации” социальных отношений в условиях расширения масштабов сетевой коммуникации. Какие последствия имеет для человека смещение общения в сторону символических форм коммуникации? Меняет ли это – и как – его привычный социальный мир? Симптоматично, что участники виртуальных “тусовок” настойчиво внедряют в процесс заочного общения элементы живой коммуникации – такие, как групповой слэнг, смайлики. В то же время развиваются специфические виртуальные нормы общения, которые иногда предполагают полную и принципиально соблюдаемую анонимность, позволяющую выстраивать необычные межличностные модели, где стираются привычные социально-демографические грани. Эти формы трудно назвать дружбой; это некий другой вид общения, социально-психологический смысл которого с трудом улавливается как научным, так и повседневным дискурсом.

Анализ проблем виртуального общения не входил в задачи настоящего исследования; эта тема была лишь косвенным образом затронута на групповых дискуссиях, участники которых в большинстве своем не погружены в интернет-общение. По мнению людей, участвовавших в обсуждении темы дружбы, сетевая коммуникация – это *“просто общение; это уже не друг”* (высказывание участника ДФГ из Воронежа).

Каждый десятый респондент, формулируя свои представления о том, что значит “дружить”, говорил о совместном времяпрепровождении: “вместе почти всегда отдыхаем и трудимся”; “ходить вместе на рыбалку, выпить, посидеть”

⁵ Обобщенные результаты ответов на открытый вопрос: *“Попробуйте описать, что значит «дружить». Какое содержание Вы вкладываете в это слово?”* Подробнее см.: Социальная реальность. 2006. № 5.

“Жизнь меняется, и это другая форма общения, новая. И спустя столетие это будет что-то такое... Но пока это еще тяжело назвать дружбой” (ДФГ, Воронеж).

На фокус-группах подробно обсуждались те аспекты проблемы заочного общения, которые актуальны для обычных дружеских отношений, а именно – требует ли дружба постоянного личного взаимодействия, насколько эффективно дружеские контакты поддерживаются беседами по телефону. Мнения участников ДФГ по поводу названных проблем были порой диаметрально противоположны.

“Модератор: ...Скажите мне, пожалуйста, насколько важны для сохранения, для поддержания дружбы постоянные личные контакты? Насколько это принципиально?”

1-й участник: *Непринципиально.*

2-й участник: *Важно.*

Модератор: *Возможно ли оставаться близкими друзьями, общаясь... на протяжении долгого времени только по телефону?*

3-й участник: *Да.*

4-й участник: *Нет”* (ДФГ, Москва).

“Для меня, например, частота встреч не такое значение имеет. Большие всего, как говорится, взаимное такое понимание и какая-то вот общность, вообще вот.... Вот сердечная такая привязанность” (ДФГ, Москва).

В то же время многие настойчиво подчеркивали значение живых, непосредственных контактов, которые и составляют “плоть” дружбы.

“Участник: <Дружба занимает> очень важное <место в жизни>. Есть люди, к которым можно обратиться, вместе ездим на вылазку, на дачу к кому-нибудь, на тот же рынок съездили. Еще по каким-то делам – например телевизор отвезли в ремонт или еще что-то. Но друг всегда нужен.

Модератор: *Это просто в качестве помощи?*

Участник: *Нет, не только. И от нас тоже какая-то помощь имеется.*

Модератор: *Взаимовыручка?*

Участник: *Да, общаемся вместе. Но на вылазку вместе ездим – это же не помощь, это просто общение. Созваниваемся, общаемся, встречаемся”* (ДФГ, Воронеж).

“Ко мне, например, в любое время приезжают с внуками. Позвонят обязательно, потому что это необходимость общения... Приезжают – и чай пьем... и в кино ходим... в музей ходим очень много...” (ДФГ, Москва).

“Модератор: А что для вас практически означает дружить? Не в каких-то экстремальных ситуациях, как больницы, похороны, а в обычной жизни в чем это выражается? Не тогда, когда нужно плечо друга, а в обычной жизни что значит – дружить?”

1-й участник: *Общение, наверное...*

Модератор: *Обязательно ли общаться постоянно или нет?*

2-й участник: *Конечно.*

3-й участник: *Жизнь – это общение”* (ДФГ, Воронеж).

Каждый десятый респондент, формулируя свои представления о том, что значит “дружить”, говорил о совместном времяпрепровождении

Окончание см. на стр. 67 →

→ Окончание статьи.

Разумеется, само по себе совместное времяпрепровождение еще не обеспечивает той глубины и эмоциональной насыщенности межличностных контактов, которые характерны для дружеских отношений. При акцентировании простого факта совместного пребывания размывается тонкая грань между дружбой и приятельством. Вот как, например, одна из участниц воронежской фокус-группы характеризует свое понимание дружбы.

“Встретились, попили кофе в кафе, мороженое поели – у тебя уже настроение хорошее. Музыку послушал, идешь домой – все прекрасно. И у нее то же самое”.

“Напек ты пиццу, друзей собрал: «Идите пиццу попробуйте». Вот и пообщаемся...”

“Я давно не посещала театр. В январе звонит мне знакомый и говорит: «Вера, у меня лишние пять билетов – набери народ, кого ты хочешь». Я звоню своим друзьям: «Не хотите на халяву сходить в театр?» Мы очень хорошо три раза сходили на халяву в театр”.

В то же время именно режим общения – ситуационно-эпизодический или “плотный”, систематический – позволяет, по мнению участников ДФГ, различить настоящую дружбу и доброе приятельство. Обратим внимание на ход дискуссии, фрагмент которой приведен ниже. Первый участник, отмечая необязательность приятельских контактов, подчеркивает значение глубокой эмоционально-личностной связи с другом, которая заставляет “держат его в памяти”, регулярно интересоваться его делами, проблемами.

“Модератор: В чем отличие приятельства от дружбы? Приятельство может быть тоже добрым...”

Участник: Он побыл – и забыл про него, то есть не следишь за его жизнью... Он ушел – и я забыла. Какая у него жизнь, какие проблемы – меня это не интересует... Нет необходимости держать его в памяти. А друг – вольно-невольно ты ему позвонишь, спросишь, волнуешься, как он живет. Вот это дружба, я понимаю. И все радости и горести в жизни сопровождают.

А не то, что у него своя жизнь, а у меня своя...” (ДФГ, Воронеж).

Однако дискуссия не идет по пути обсуждения душевной привязанности к другу, вовлеченности в его жизнь и прочих содержательных аспектов дружбы. По-видимому, принимая эти аспекты как очевидные, участники фокус-группы эксплицируют другой критерий, который также звучит, хоть и не столь отчетливо, в приведенном выше рассуждении, а именно – критерий регулярного общения. Именно этот формально-поведенческий признак позволяет, настаивают некоторые участники, развести дружбу и приятельство.

“1-й участник: Настоящий друг – когда постоянно с ним общаешься.

2-й участник: Необязательно видется постоянно.

1-й участник: Но часто.

2-й участник: Вот мы со школы дружим, пять человек, это не значит, что мы каждый день видимся.

1-й участник: Ну, часто.

2-й участник: Не часто. Даже раз в году мы встретимся – и это такая теплая встреча.

3-й участник: Это вы общаетесь.

Участники фокус-групп настаивали на значении при дружбе живых, непосредственных контактов, которые и составляют ее “плоть”

2-й участник: *Нет, мы общаемся и по телефону. У некоторых уже внуки появились.*

1-й участник: *Это вы друзья раньше были, а сейчас вы уже приятели*” (ДФГ, Воронеж).

Телефон, по мнению участников ДФГ, это способ поддержания отношений (порой единственно возможный), однако это не то общение, посредством которого устанавливаются подлинно дружеские отношения.

“Модератор: *Насколько, по вашему мнению, для сохранения дружбы важны постоянные личные контакты, встречи? Возможно вообще оставаться близкими друзьями, общаясь только по телефону?*..

1-й участник: *Нет.*

2-й участник: *Нет.*

3-й участник: *Наверное, возможно. Я своих <друзей> три года уже не видел. Один в Павлодаре, другой в Зеленограде живет.*

1-й участник: *Ну так основа какая этой дружбы?*

3-й участник: *Ну какая? Позвонили – и все.*

1-й участник: *Заклад сидит в себе, и вы держитесь за счет этого. А если просто – как? Мы познакомились, приятные люди – и что? Я буду с вами перезваниваться, и у нас дружба народов будет? Не будет у нас этого. Я вот ему никогда не поплачусь. Поэтому у вас общие дела, жизнь вместе прожили...”* (ДФГ, Воронеж).

Если настоящая дружба может какое-то время продержаться на старых контактах и не требует регулярных встреч, то для дружбы менее давней и тесной личное общение служит конструированию дружеских отношений

Если настоящая дружба может какое-то время продержаться на “закладе” и не требует регулярных встреч, то для дружбы менее давней и тесной личное общение является не только ее подтверждением, но и служит конструированию дружеских отношений. Показательна реплика одной из участниц воронежской дискуссии – той, что рисовала образ дружеской компании вокруг свежее испеченной пиццы.

“Я люблю вживую <общаться>... По телефону общаешься – кто его знает, какая у него мимика? И что? А встретишься, увидела, мне улыбаются – значит, она мне рада. А то, может, она мне: «Мэ-мэ», а сама: «У-у-у...””.

Дружба – это сердечная привязанность, реализуемая в общении. Не всегда она выдерживает испытание расстоянием, хотя именно поддержание отношений в условиях отсутствия частых встреч воспринимается людьми как один из критериев “истинной” дружбы.

“Переехать на другую квартиру – и подруга, с которой ты растила детей, оказывается, уже и не подруга” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“...Мы молодые, мы прыгаем, бегаем, летаем, у нас эйфория в голове, и нам кажется, что у нас столько друзей... А потом оказывается, что это просто приятели. Стоит перейти на другую работу, и девяносто девять процентов с прошлой работы через полгода уже... Где они? Нет их. Стоит уйти в какой-то другой коллектив в какой-то ситуации, и девяносто девять процентов из тех, кто тебя окружал, их нет” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Мужская и женская дружба

С античных времен дружба считалась “преимущественно мужской добродетелью” [Кон. С. 259]. М. Монтень полагал, что “обычный уровень женщин отнюдь не таков, чтобы они были способны поддерживать ту духовную близость и едине-

ние, которым питается этот возвышенный союз...” [Монтень. С. 240]. Мнение французского философа XVI века и сегодня имеет своих сторонников, в том числе и среди женщин.

“Женской дружбы не бывает... У меня одна знакомая говорит «подружайка» – этим все сказано” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Многочисленные систематические наблюдения за животными и детьми свидетельствуют скорее в пользу мужской дружбы. Дружба в животном мире – это форма взаимоотношений преимущественно между самцами, но не самками⁶. Этологи установили следующие тенденции: “Во-первых, предпочтение <конкретного партнера по общению> сильнее выражено у самцов, чем у самок, как в детстве, так и в старшем возрасте. Во-вторых, индивиды мужского пола сильнее предпочитают друг друга, чем индивидов противоположного пола. У индивидов женского пола такой тенденции в раннем возрасте нет: они с равной вероятностью предпочитают свой и противоположный пол” [Плюснин. 1990. С. 192].

Отмеченные смещения в сторону преимущественно мужской дружбы носят, по-видимому, универсальный характер и свойственны всем птицам и млекопитающим. В какой мере эта тенденция распространяется на человека? Здесь уместно вспомнить о зависимости, установленной нами для мужчин и женщин среднего возраста (от 33 до 60 лет), живущих в Москве и мегаполисах. Согласно данным статистического анализа, женщины несколько реже говорят об отсутствии друзей, нежели мужчины⁷. К сожалению, рамки нашего исследования позволяют лишь обратить внимание на этот факт. Возможно, он имеет простое житейское объяснение (такое, как повышенная смертность мужчин среднего возраста по сравнению с женщинами), а возможно, является симптомом глубоких перемен, затрагивающих базовые социально-антропологические параметры человеческой популяции.

Мы имеем в виду гипотезу гендерной конвергенции – сближения и перераспределения социальных ролей мужчины и женщины в условиях эволюционно стабильной среды. Теоретические рамки этой гипотезе задает эволюционная концепция пола В.А. Геодакяна, согласно которой половой диморфизм отвечает нестабильным условиям “движущейся среды”, которая требует приспособления к меняющимся экологическим параметрам. В период эволюционной нестабильности мобилизуется оперативная, “пионерская” миссия мужского пола, в то время как женский пол консервирует “наработанные” в предшествующих условиях адаптационные признаки. В стабильной среде это эволюционное разделение полов является излишним, в силу чего уменьшается половой диморфизм, что по многим признакам показано для разных видов [Геодакян].

С античных времен дружба считалась “преимущественно мужской добродетелью”

⁶ Эта общая тенденция, конечно, не исключает “особых случаев”, характерных прежде всего для мира высших животных. Так, в сообществах шимпанзе наблюдается дружба между матерью и ее повзрослевшими детьми. Дж. Гудолл отмечает, что подобные взаимоотношения особенно ярко проявляются между матерями и их взрослыми дочерьми; отношения этого типа являются самыми прочными из тех, что складываются между взрослыми животными. Кроме того, специфические условия существования шимпанзе в неволе также приводят к возникновению нетипичного для дикой природы феномена женской дружбы [Гудолл. С. 190, 597].

⁷ См. *табл. 4* в первой части статьи, опубликованной в предыдущем номере журнала.

Вернемся к вопросам, которые сегодня представляются более очевидными. В эволюционной ретроспективе мужскую дружбу можно рассматривать как важнейший способ поддержания социального единства, сплочения коллектива [Плюснин. 1993. С. 75–83]. Кроме того, мужскую дружбу логично связать с такими чисто мужскими функциями, как войны и защита своего селения, а также поддержание мира с соседями. Один из участников групповой дискуссии высказал по поводу обсуждаемой проблемы почти экспертное суждение.

“Мужская дружба появилась не от того, что мы сейчас говорим – «дружим». А она же идет с двенадцатого, восьмого, десятого века... Она основана... на честности, дружбе, на силе – как раньше воевали. Это все связано с войной, по моему. Выражение «мужская дружба» связано с военными действиями, с подвигами. А женская дружба заканчивается тогда, когда появляется мужчина” (ДФГ, Санкт-Петербург).

В свете той функциональной нагрузки, которая падает (или падала) на мужское братство, можно понять и различие в эмоциональной природе дружеских контактов мужчин и женщин. “Дружба между женщинами скорее похожа на любовь, и именно этим отличается от мужской дружбы”, – пишет Ю.М. Плюснин [Плюснин. 1993. С. 79]. Эту точку зрения разделяют и другие исследователи. “Мужская дружба, – отмечает Р. Хайнд, – фокусируется на совместной деятельности и опыте, что, возможно, связано с потенциальной готовностью <мужчин> к кооперации, в то время как женская дружба подчеркивает интимность и взаимную эмоциональную поддержку...” [Hinde. P. 127].

Аналогичные тенденции выделяет и И.С. Кон, основываясь на данных многочисленных исследований детской и взрослой дружбы. Различия в установках на дружеский союз, полагает он, вполне адекватно отражены и в обыденном сознании: “В целом женщины во всех возрастах описывают дружбу в более психологических терминах, подчеркивая ценности доверия, эмоциональной поддержки и интимности, тогда как мужчины делают акцент на солидарности (товариществе) и взаимопомощи” [Кон. С. 267].

В нашем исследовании описания дружбы, данные мужчинами и женщинами, практически не различаются. Можно говорить о некоторых нюансах: так, определения “дружить – это любить своего друга”; “значит друг друга любить и уважать”; “это любовь своего рода” (ответы на открытый вопрос “...Что значит «дружить»?..”) принадлежат женщинам, что, по-видимому, неслучайно, но не имеет строго статистического обоснования.

В то же время на прямо поставленный вопрос, существуют ли отличия между мужской и женской дружбой, половина респондентов ответили утвердительно⁸. Специфические черты мужских и женских дружеских отношений, которые отмечались в ходе опроса⁹, согласуются с данными приведенных выше исследований.

⁸ Отрицательные ответы получены от 37% респондентов, остальные затруднились с ответом на данный вопрос.

⁹ Описания мужской и женской дружбы получены в ответах на открытые вопросы “На Ваш взгляд, что такое мужская дружба? Каковы ее отличия черты?” и “А что такое женская дружба? Каковы ее отличительные черты?”

В мужской дружбе, по мнению опрошенных, более значим не эмоциональный контакт, а акцент на реальное дело, поступок

В восприятии респондентов женская дружба ассоциируется прежде всего с душевной близостью, доверительностью, эмоциональной поддержкой.

“Сопереживание”; “психологическая поддержка”; “больше понимание, больше душевной теплоты”; “более душевные отношения”; “это более близкие эмоциональные отношения”; “помощь душевная”; “больше лирики и эмоций”; “излить душу, поделиться сокровенным”; “поговорить по душам, поделиться, посоветоваться с подругой” (открытый вопрос; 13% – отметим, что это самая распространенная интерпретация).

Подобные описания звучали и на фокус-группах.

“<Женская дружба> – более эмоциональная... Я вот могу только за себя отвечать, мы больше в дружбе нуждаемся чисто по эмоциональным соображениям... Поддержка нам от человека нужна” (ДФГ, Москва).

В мужской дружбе, по мнению опрошенных, более значим не эмоциональный контакт, а акцент на реальное дело, поступок, в котором эта дружба находит наиболее полное выражение.

“Это взаимопомощь мужчин в делах, готовность прийти на помощь”; “товарищество и взаимовыручка”; “друг за друга отдать свою жизнь” (открытый вопрос; 10%).

По-видимому, именно с подобным восприятием мужской дружбы связана и ее оценка как более крепкой, надежной.

“Мужики если дружат, то до конца”; “это настоящая дружба” (открытый вопрос; 8%).

“1-й участник: Вот я наблюдаю за сыном, много мы на эту тему тоже разговариваем, и мне нравится вот, что у них очень хорошая взаимопомощь, если они настоящие друзья. Вот у меня у сына – замечательные ребята. Вот всегда в любой момент – все, под козырек, они тут как тут.”

Модератор: *Она более такая, что ли, практичная?*

1-й участник: Да, практичная. Причем она очень такая не то что верная, а вот по-мужски твердая, вот можно сказать твердая она, что сказал...”

2-й участник: Ну, немногословная она, такая конкретная дружба” (ДФГ, Москва).

Что такое “дружба”, определить однозначно столь же сложно, как и что такое “любовь”. В реальности она представляет собой некий достаточно протяженный континуум между приятельством (*“быть в хороших отношениях”*) и самоотверженной преданностью друг другу (*“в любом состоянии ехать к другу, невзирая на погоду, время, если это необходимо”*).

В обыденных представлениях актуализированы прежде всего возвышенно-романтические представления о дружбе, идущие не столько “от жизни”, сколько от нормативного образца, заданного культурой. Обращаясь к своей собственной житейской практике, люди порой переходят к более приземленным описаниям того, что значит “дружить”.

“Участник: ...Даже просто поговорить, встретиться и чай попить.”

Модератор: *Чем отличается дружба от приятельства?*

Участник: Это дежурные фразы” (ДФГ, Воронеж).

“Очень тонкая граница между дружбой и товариществом” (ДФГ, Воронеж).

В восприятии респондентов женская дружба ассоциируется прежде всего с душевной близостью, доверительностью, эмоциональной поддержкой

Обыденное мнение созвучно взглядам этологов, которые видят в дружбе едва ли не самую важную, скрепляющую конструкцию человеческого социума и природных сообществ

Было бы неправильно интерпретировать это таким образом, что рефлексия, связанная лабораторной ситуацией групповой дискуссии, *фальсифицирует* идеальный образ дружбы. Обыденное сознание удерживает оба пласта в восприятии дружбы – и идеальный, и реальный, так или иначе пытаясь соединить норматив-

ные представления с ожиданиями, идущими от обыденного опыта, и допуская существование, по выражению участника московской фокус-группы, “разных дружб”.

Дружба, казалось бы, не имеет такого ярко выраженного социального значения, как семья, соседская или функциональная (трудовая, учебная) группа. Тем не менее люди практически единодушны в том, что в той или иной своей форме дружба человеку необходима. Обыденное мнение здесь созвучно взглядам этологов, которые видят в дружбе едва ли не самую важную, скрепляющую конструкцию человеческого социума и природных сообществ.

“Модератор: А зачем Вам нужна дружба?”

Участник: *Чтобы жить*” (ДФГ, Санкт-Петербург). ■

Литература

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: “Медиум”, 1995.
- Геодакян В.А. Эволюционная теория пола // Природа. 1991. № 8.
- Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. Пер. с англ. / Авт. предисл. С.В. Федулов. М.: Прогресс, 1990.
- Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение. М.: Мир, 1992.
- Климов И.А. Социологическая концепция Энтони Гидденса // Социологический журнал. 2000. № 1/2.
- Кон И.С. Дружба: Этико-психологический очерк. 3-е изд. М.: Политиздат, 1989.
- Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Лоренц К. Обратная сторона зеркала / Под ред. А.В. Гладкого; Сост. А.В. Гладкого, А.И. Федорова; послесловие А.И. Федорова. – М.: Республика, 1998.
- Монтень М. Опыты. Кн. 1. М.–Л., 1954.
- Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.
- Плюснин Ю.М. Каких друзей мы себе выбираем? (Социобиология дружбы) // Природа. 1993. № 9.
- Равич-Щербо И.В. и др. Психогенетика / Под ред. И.В. Равич-Щербо. М.: Аспект Пресс, 2000.
- Giddens, A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
- Hinde, R.A. Individuals, Relationships & Culture. Links between ethology and the social sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Parsons, T. The structure of social action. New York and London: McGraw-Hill Book Company, Inc., 1937.